
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ГЛОБАЛИЗАЦИИ

С.В. Мартыненко

Отдел теории и истории социологии
Институт социально-политических исследований РАН
Ленинский просп., 32А, Москва, Россия, 119991

В статье анализируются актуальные проблемы современности, связанные с реализацией политики мультикультурализма, подвергаются критике различные точки зрения на место этого феномена в политической жизни. Автор показывает, что проблема мультикультурализма неразрывно связана с трактовкой идеи глобальной культуры, которая вовсе не является надстройкой над национальными культурами, а представляет собой своего рода новую разновидность социальной ризомы.

Ключевые слова: мультикультурализм, глобализация, цивилизация.

Сегодня подчеркивается актуальность темы государства в эпоху социального многообразия.

Политики признают, что в настоящее время структура общества радикально усложнилась, что социальное многообразие оказывает решительное влияние на развитие и личности, и общества, и государства. Новые технологии, такие как Интернет, дают еще большее многообразие. Однако социальное многообразие создает не только плюсы, но и минусы в развитии цивилизации, что хорошо видно на примере политических оценок так называемого мультикультурализма.

Для объективации идеи мультикультурализма «необходимо, чтобы разные культуры имели возможность участвовать в современных мировых процессах, а для этого занимать равные позиции хотя бы в некоторых пунктах. А если одна культура сильно уступает другой, если у них уровни совершенно разные, то мультикультурализм может выглядеть как лицемерный лозунг сохранения статус-кво» [1. С. 5].

Полагая, что мультикультурализм в его сегодняшнем практическом понимании приводит к созданию своеобразных культурных гетто, автор считает более перспективным другой способ понимания мультикультурализма.

Он транскрипирует мультикультурализм как ситуацию диалога, когда одна культура вступает во взаимодействие с другой, представая в качестве открытой по отношению к иным, в результате чего изменяются сами ее носители.

Но, например, участие в тех же современных мировых процессах, о котором говорит автор, отражается в средствах массовой информации. И даже если такого отражения нет, то это не значит, что нет самого участия: отсутствие информации не означает отсутствия процессов, которые описывают современные информационные структуры.

Более перспективным считается в научной литературе другой способ понимания мультикультурализма, связанный с учетом, во-первых, ситуации диалога, когда одна культура вступает во взаимодействие с другой культурой, когда носители

одной открыты по отношению к другим, пытаются их понять и сами как-то измениться, в том числе и в результате диалога. Во-вторых, с признанием диалектики единства и многообразия, закреплённой в лозунге Европейского Союза, — единство в многообразии.

Ситуация диалога выстраивается на уровне социальной диффузии, охватывая определенные бытовые и страховые явления, обмен технологиями приготовления пищи, изготовления одежды, оказания медицинских услуг и так далее. Поэтому диалог представляет собой, скорее, как бы анализ и критическую оценку социального опыта, опыта жизнедеятельности социальных групп, которые выработали его в процессе разделения труда, в процессе формирования социальных страховых конструкций.

Так, даже народные костюмы, народная вышивка являлись своеобразным диалогом. Это был своеобразный текст, который описывал социальное и гендерное положение человека, носившего такой наряд. Определённое послание проявлялось и в орнаменте, который иногда имел не только защитный характер, но и выдавал имущественный ценз человека. С этой точки зрения весь культурологический пласт костюма являет собой идентификационный документ.

За проблемой речи или костюма стоит проблема идентификации, заложенная в паспорте, в других документах, которые сегодня сводятся к чипам, к электронной подписи. Они представляют собой лишь технологические структуры хранения той информации, которая на определенном этапе технологического развития была записана в костюме, в форме жилища, в форме резьбы. Эта резьба выполнялась, чтобы, с одной стороны, украсить это жилище, а, с другой стороны, описать социальный статус его обитателей.

В принципе, мы знаем, что любой текст, любое исполнение, любой визуальный образ несет на себе печать социальной индивидуальности. Это — актуальный предмет обсуждения.

И, с нашей точки зрения, такой анализ не может не приводить к современному пониманию мира и смешению культур.

В современном мире возникает даже проблема ухода от своей культуры. Хороший пример тому показывают японцы, которые пытаются выскочить из своих традиционных конформистских социальных стереотипов не потому, что идет за-силье, как утверждает кое-кто, западной цивилизации, а потому, что они активнее пытаются адаптироваться к современным способам идентификации, к современным способам общения (не всегда вербальным) с помощью различных электронных средств.

Межкультурный диалог может происходить лишь внутри какого-то универсального единого пространства, отсутствие которого грозит обернуться несоизмеримостью различных культур.

В качестве примечательного примера такого пространства некоторые исследователи указывают на Всемирную декларацию прав человека и систему международного права.

Но при такой трактовке возникает один нюанс — как только устанавливаются определенные условия и правила межкультурного диалога, так становится невоз-

можным свободный обмен в процессе его установления, потому что каждый раз нужно или расширять поле действия самих правил, или терять культурную информацию.

Межцивилизационный обмен — это всегда какофония, та инструментальная настройка, которая слышна перед началом концерта.

В чем смысл этой какофонии?

Каждый музыкант пытается настроить свой инструмент и проверить его звучание, из-за чего диалог не получается. Как только начинается концерт, все музыканты берутся играть по единым правилам, но это уже не диалог, а ансамбль, созвучие. Поэтому межкультурный диалог идет, скорее всего, вне каких-то ограничений и правил. Потому что как только происходит идентификация, пропадает диалог, как только появляются люди без слуха, ансамбль разрушается: они не услышат музыку, не почувствуют нюансы звучания инструментов. Это пример весьма поучителен для тех, кто пытается описывать политическую культуру, соотношение политики и мультикультурализма.

При ссылаках на Всемирную декларацию прав человека и систему международного права, определяющих параметры общего пространства межкультурного диалога, следует иметь в виду, что на сегодняшний момент отсутствует понимание того, что такое естественное право. Оно формирует широту баланса прав и обязанностей в обществе, а не консервирует возможности отдельных социальных групп, которые в тот или иной момент устанавливают положительное право или законы на уровне социума. И когда говорят о противоречии между правами индивида и группы людей на свободу передвижения и правом культур на собственную защиту, которое содержится во Всемирной декларации прав человека, то не отдают себе отчета в том, что подобные противоречия пока вообще неразрешимы.

Один из вариантов их разрешения — конструкция страховых отношений.

Когда мы говорим о страховых конструкциях и рассуждаем о государстве или о межгосударственных объединениях как о страховых конструкциях, то мы не сводим их смысл к деятельности денежных фондов и транзакций, которые осуществляют реальные страховые компании. У нас речь идет о построении корпуса правовых документов, о формировании социальной инфраструктуры, о создании научных текстов, которые могли бы приоткрыть завесу над тайной социального страхования.

Министр иностранных дел России С.В. Лавров подчеркнул на Ярославском политическом форуме (2011 г.), что политика мультикультурализма *провалилась в том виде, в котором она реализовывалась*.

Но ситуация с мультикультурализмом, которую анализирует Лавров, одновременно и очень простая, и очень сложная.

Политика мультикультурализма, если рассматривать ее в цивилизационном аспекте, не могла провалиться и не проваливалась. Провалялись административные практики, складывавшиеся на уровне различных государств — прежде всего, практики социальной работы властных структур с представителями диаспор, которые в силу определенных миграционных условий оседали в странах Западной Европы.

Политика мультикультурализма как цивилизационный феномен является одним из движущих факторов социального развития, потому что мультикультурализм есть принцип взаимопроникновения цивилизаций. И если говорить о каком-то провале, то это может быть провал ручного управления на уровне государственного администрирования в соответствующих странах, которое проблематизирует социальные преференции для вновь прибывающих эмигрантов.

Сегодня проблема мультикультурализма неразрывно связана с трактовкой идеи глобальной культуры.

Изображение глобального общества в виде компактного глобуса не означает, что с помощью этого приема открываются пути к ясному представлению феномена единства и многообразия культур.

Такие представления нередко становятся предметом современной философской критики. Достаточно вспомнить позицию П. Слотердайка. Он считает, что догматическое представление о компактном глобусе, о мировой деревне как структурах современной «революции пространства» [2. S. 393], проявляющейся в его сжатии, замыкает социальное и социологическое знание в довольно-таки узкие рамки осмысления того, как протекает жизнь людей под «балдахином глобализации» [2. S. 207].

Российские исследователи нередко представляют глобальную культуру как некоторую надстройку над национальной культурой. Она есть проявление глобальной интернациональной общности людей, которую пока трудно определить. Глобальная культура во многом отлична от существующей культуры, как считает А.А. Гусейнов, «это будет какая-то метакультура, сверхкультура или еще какое-то такое состояние, которое говорит о том, что развитие человека именно в том, что касается его духовного потенциала, — это открытая система. Т.е. мы здесь не имеем еще последнюю точку. И тогда с этой новой высоты или в рамках этой высоты все те культурные различия, которые у нас существуют, будут сохраняться как какие-то моменты» [1. С. 5].

Поэтому человечеству так важно научиться политически жить и развиваться в условиях мультикультурализма. А.А. Гусейнов стремится показать, что культура как социальный феномен носит фрактальный характер.

Генотип человечества позволяет развиваться тем индивидам, которые начинают осознавать на другом уровне глобальные процессы, происходящие в современном мире, формировать новые направления его социальной эволюции.

Культура — это тот общечеловеческий феномен, который позволяет использовать технологические структуры для страховки социальных связей, для социального развития. Глобальная культура вовсе не является надстройкой над национальными культурами, это, скорее всего, своего рода новая разновидность социальной ризомы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Единство мира и многообразие культур (материалы «круглого стола» украинских и российских философов) // Вопросы философии. — 2011. — № 9.
- [2] *Sloterdijk P.* Im Weltinnenraum des Kapitals. Für eine philosophische Theorie der Globalisierung. — Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2005.

MULTICULTURALISM AND POLITICAL DISCOURSE OF GLOBALIZATION

S.V. Martynenko

The Department of Theory and History of Sociology
The Institute of Socio-Political Studies under Russian Academy of Sciences
Leninskiy prosp., 32a, Moscow, Russia, 119991

This article examines the current problems of modernity associated with the implementation of the policies of multiculturalism, criticizes various points of view of that phenomenon in political life. The author shows that the problem of multiculturalism is inseparably linked with the interpretation of the idea of a global culture, which is not a superstructure of national cultures, but is a kind of a new sort of social rhizome.

Key words: multiculturalism, globalization, civilization.